

Слов'янські мови: національна своєрідність, контакти з іншими мовами, проблеми методики та перекладу

УДК 811.161'373.7:392.5

Н. Г. Арефьева,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры языковой и общегуманитарной подготовки иностранных студентов

Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,

пер. Маяковского, 7, г. Одесса, 65000, Украина,

тел. : +38 (048) 723-07-57,

arefyew_oleg@mail.ru

БРАК И СЕМЬЯ В СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматриваются фразеологизмы, эксплицирующие традиции и обряды, связанные с заключением брака и созданием семьи. Особое внимание уделяется свадебному обряду как одному из важнейших переходных обрядов. Определяются как национально-культурные, так и межъязыковые особенности вербализации концептов во фразеологической картине мира славянских языков. Автор приходит к выводу об исключительной роли брака и семьи в славянской фразеологии и славянской культурной традиции.

Ключевые слова: обряды и традиции, фразеологизм, фразеологическая картина мира, концепт, славянские языки.

Изучение славянских матримониальных обрядов и традиций вот уже на протяжении полутора столетий привлекает внимание исследователей народной культуры, о чём свидетельствуют фундаментальные этнографические и этнолингвистические труды А. А. Потехни, Я. Коморовского, Д. К. Зеленина, В. В. Иванова и В. Н. Топорова, А. К. Байбурина, Н. И. Толстого, Н. Колева, Е. С. Узенёвой, Р. Ивановой, В. К. Борисенко, А. В. Гуры и других учёных. Вопросы фразеологической экспликации свадебных традиций, обычаев и обрядов рассматриваются в трудах В. М. Мокиенко, К. Ничевой, В. Д. Ужченко, А. А. Майборода, Л. М. Бондарчук,

Н. А. Колковой, Д. А. Гильфановой и других. Тем не менее, проблема отражения свадебных обрядов и семейных традиций во фразеологии славянских языков остаётся актуальной, поскольку именно фразеология, являясь богатейшим хранителем культурно-исторической информации, помогает концептуально осмыслить и изучить важные фрагменты архаической картины мира славян.

Предметом нашего исследования стали обряды и традиции, связанные с заключением брака и созданием семьи. Материалом для исследования послужили фразеологизмы русского, украинского, болгарского, польского языков. **Цель** статьи – выявление межкультурных и национально-культурных особенностей в экспликации брачных обрядов и традиций в славянской фразеологической картине мира (далее – ФКМ) как „отражении во фразеологической семантике реалий объективной действительности” [10, с. 306].

Культурные традиции, связанные с заключением брака и созданием семьи, отличаются многоаспектностью и многообразием. Свадебный обряд как один из переходных обрядов, направленных на изменение социального статуса человека, является отражением ключевых понятий мировоззрения славян [15, с. 30; 13, с. 19; 7, с. 80; 5, с. 35]. Болгарский исследователь Н. Колев относит свадебный обряд к экстремальным ситуациям, поскольку человек вынужден изменять привычные стереотипы поведения [8, с. 9]. Кроме того, как отмечает А. К. Байбурин, „именно к свадьбе приурочен комплекс мер, направленных на рождение потомства” [3, с. 40].

Брак, семья и свадьба как знаменательная веха в жизни человека занимают исключительно важное место в традиционной славянской культуре и всегда считались наивысшей ценностью в народном мировоззрении славян. Ср. распространённый фразеологизм *русск. до свадьбы (женитьбы) заживёт* – *шутл.* ‘утешительные слова человеку, с которым произошло что-л. неприятное’, часто произносимые матерью или бабушкой поранившемуся или ушибившемуся ребёнку [ИЭС, с. 626]. Об этом же свидетельствуют известные славянские пословицы и поговорки: *русск. Вся семья вместе – так и душа на месте, Жена без мужа – всего хуже*; *укр. Жінка – не рукавиця, міняти жінку не годиться, Чоловік і жінка як голка і нитка: куди голка – туди й нитка, куди чоловік – туди й жінка*; *болг. Мъжът къщата държи, а жената я краси* ‘муж держит дом, а жена украшает’; *С майка до време, а с мъж до века* ‘с матерью до поры до

времени, а с мужем – до конца жизни”. Добавим, что развод считался большой редкостью в славянской культурной традиции. Как отмечает М. Иванова, в конце XIX и в первые десятилетия XX века развод у болгар был исключительным явлением и допускался лишь в крайних случаях, а отрицательное отношение болгар к разводу сохранилось до сих пор [6, с. 107–108].

Резко негативно в народном сознании оценивается безбрачие, не случайно безбрачие и смерть часто выступают в одних и тех же контекстах в девичьих гаданиях [5, с. 35]. Многочисленные славянские фразеологические единицы (далее ФЕ), отражающие концептосферу безбрачия, употребляются с оттенками иронии, презрения, осуждения, сожаления. Ср.: негативно окрашенные *русск. старая дева, старый холостяк, бобылём жить, засидеться в девках, народн. ирон. маком сидеть* ‘о засидевшейся в девках, долго не выходящей замуж девушке’. Ср. *посл. Девка не мак, в один день не облетит* [ИЭС, с. 411]; *укр. сочувственное як билина [в полі]* (одна, сама) – *нар.-поэт.* ‘одинокий человек’: *Хазяйка наша була удовиця. Розказує та й розказує, та все про своє лихо, що весь рід її зівся, що сама вона в світі зосталася, як билина в полі (Вовчок)* [ФСУМ, т. 1, с. 23]; *неодобр. или ирон. стара панна, залишитися старою панною, сивіти (сидіти) / посивіти (засидітися) в дівках (дівкою, в перестарках); засиже дівка.* Не случайно на Украине *засижу дівку* катали по селу в корыте или на санях с криком „Поспела! Поспела!” [5, с. 39]. На русском Севере во время масленицы парня, которому длительное время не удавалось жениться, катали на бороне [Там же, с. 40].

Отрицательно коннотированы болгарские и польские ФЕ со значением ‘не выйти замуж’: *болг. стара мома; остана (стоя си) стара мома* (старая дева, остаться старой девой); *изпуснала (изпускам(изпушам) / изпусна) влака* (букв. пропустила поезд) ‘осталась незамужней, утратила все возможности выйти замуж’ [ФРБЕ, т. 1, с. 424]; *польск. stara panna* (ср. парную *польск. ФЕ stary kawaler – русск. старый холостяк*).

В болгарской ФКМ эксплицируется социальное одобрение женатого мужчины: *диал. обърсал (отрил, ожулил) ми е губера гурелите* (букв. „ковром мне вытерли гной на глазах”) ‘быть женатым, не быть холостяком’ [ФРБЕ, т. 2, с. 18]; *диал. Отвързам / отвържа каиш от коляно* (букв. „отвязать ремень от колена”) ‘о холостяке – стать женихом, жениться’ [НФР, с. 192], в то время как неженатый

мужчина вызывает сочувствие, жалость, иронию, поскольку сравнивается с обгорелым пнём, овцой и другими негативными символами [2, с. 141]. Ср.: *стар ерген* ‘старый холостяк’; *диал. огорял пѣн* (обгорелый пень) ‘одинокый, неженатый мужчина’ [ФРБЕ, т. 2, с. 18]; *опален пѣн* (опалённый пень) ‘1) монах; 2) бездетная семья’ [Там же, с. 25]; *една овца – едно легало* (букв. ‘одна овца – одно логово’) ‘неженатый человек, холостяк’ [НФР, с. 79].

Часто славянские свадебные традиции закреплены с помощью междзыковых фразеологических эквивалентов. Так, предложение **выйти замуж** эксплицируют славянские ФЕ с соматизмом ‘рука’: *русск. просить руки*; *укр. просити руки*; *польск. prosić kogoś o rękę*; *болг. искам ръката* на някого (*поисквам / поискам ръката*): *Той харесва, обича Вена и ме праща да искам ръката ѝ* (См. Л. Костов) (Ему нравится Вена, он любит её и посылает меня просить её руки – Н. А.) [ФРБЕ, т. 1, с. 459]. Этот же соматизм находим и в ФЕ со значением ‘соглашаться на брак’: *русск. отдавать руку и сердце*, *укр. віддавати / віддати [і] руку [і] серце*; *болг. давам ръката*. Рука издавна символизировала власть и силу, а древний обычай подавать руку в знак согласия на брак означал признание своего подчинённого положения.

В мировоззрении славян важным было не столько формальное согласие, сколько согласие на брак по любви, от сердца. Ср. пожелания молодым во время свадебного обряда: *болг. Да се обичате и да се разбирате!* (букв. ‘Любите и понимайте друг друга!’); *русск. Совет да любовь!* Ср. также *болг. ако ръка дава, а сърце не дава, нищо не става* (букв. ‘если даёт руку, но не даёт сердце – ничего не получится’); *укр. хоч бориц без сала, аби душа пристала*; *русск. выйти замуж не напасть – лишь бы замужем не пропасть*. В то же время небольшие ссоры, разлады в семейной жизни допускаются, если супруги любят друг друга: ср. *польск. kto się lubi, ten się czubi* (букв. ‘те, кто любят друг друга, ссорятся’), *русск. милые бранятся, только тешатся* [БПРС, т. 1, с. 399], *укр. закохані сваряться – тільки цим насолоджуються*.

Церковный обряд венчания как необходимый элемент свадебной обрядности эксплицируют следующие ФЕ: *русск. устар. идти под венец*; *укр. іти під вінець (до вінця)*; *ставати під вінець*; *болг. минавам под венчило; честити венци!* (счастливого венчания! – пожелание жениху и невесте), где венец – особый венок, который одевали в церкви перед алтарём, символ церковного освящения брака.

Брак, однако же, мог быть и без венчания. Ср. *русск.* ФЕ **венчали вокруг ели [а черти пели]; венчать вокруг ели (ракового куста)** – *народн., шутил.-ирон.* ‘о невенчанной чете’ [ИЭС, с. 216] и их употребление в контексте: – *Когда была свадьба, в какой церкви, кто венчал? – Венчались они вокруг ракового куста, а когда – точно мне не известно (А. Степанов, Порт-Артур).* По данным М. И. Михельсона, выражение восходит к языческому обряду венчания, когда молодым нужно было обойти вокруг ракового куста для освящения брака языческими божествами [цит по: ИЭС, с. 216].

В славянской ФКМ закрепились и такая историческая реалья, как кража невесты, заключение брака без согласия родителей (умыкание невесты). Данный обряд уходит своими корнями во времена родоплеменных отношений [4, с. 7]. Ср. *болг.* ФЕ **грабя мома** – *устар.* ‘красть невесту’ [БРФС, с. 137]. В Болгарии, в случаях, когда не удавалось прийти к согласию в отношении имущества или когда родители парня или девушки не давали согласия на брак, „парень со своими друзьями крал девушку либо она сама к нему „приставала” (выходила замуж вопреки родительской воле – Н. А.), то есть сама уходила в дом жениха” [1, с. 249]. Ср. *русск.* **свадьба убёгом, уводом, самокруткой** в том же значении.

В украинской ФКМ важное место занимает концепт „рушник”. Рушник – символ не только сватовства, но и свадьбы, женитьбы: **ставити (становити) на рушник (на рушнику)** – ‘женить, выдавать замуж’; **стати на рушнику** – ‘жениться, выйти замуж’; **готувати (дбати) рушники (скриню)** – ‘выходить замуж’ [ФСМ, т. 2, с. 858, 860; т. 1, с. 193].

Заметим, что в болгарской фразеологии отражена подготовка к переходу в статус замужней женщины / женатого мужчины, начиная с рождения ребёнка. Так, *диал. болг.* ФЕ **честити обуца** ‘говорится тому, у кого родилась дочь’ связана со следующим народным обычаем: „жених наказывал родителям девушки её вырастить и выкормить. Сначала давали вместо денег телят, скотину, табуны лошадей, жито, просо или другое зерно, а затем и деньги – „обуца”, то есть деньги на обувь родителям и родственникам девушки (П. Р. Славейков)” [ФРБЕ, т. 2, с. 505]. Ср. также парную *диал.* ФЕ **честита риза** ‘говорится тому, у кого родился сын’, связанную с обычаем, по которому девушка, выходящая замуж, дарит рубашку родителям жениха [Там же]. Подобный обычай находим в польской культурной традиции,

согласно которой жених дарит невесте башмачки, а невеста жениху – рубашку [12].

Оппозиция „жених / невеста”, как правило, параллельна оппозиции „субъект / объект” в славянской ФКМ. Так, объектность невесты во время свадебных ритуальных действий закрепились в семантике *болг.* ФЕ **дор<де> се кача на коня** (букв. „пока не вскочит на коня”) ‘о девушке – пока не выйдет замуж; связано со свадебными обычаями’: – *Жали ме, сестро, жали ме, докога ще си ме жалиши? – Ще жаля, брате Стояне, дордесе качана коня. Народна песен* (– Жалей меня, сестра, жалей, до каких пор будешь меня жалеть? – Буду жалеть тебя, брат Стоян, пока не вскочу на коня – Н. А.) [ФРБЕ, т. 1, с. 270]. Внутренняя форма данной ФЕ соотносится с обычаем, согласно которому невесту сажали на коня или в повозку во время свадебного обряда и отвозили в дом жениха, особенно в тех случаях, когда она выходила замуж в другое село [15, с. 63; БПП, с. 47–48]. Показателен фрагмент ФКМ, закрепившийся в *болг.* ФЕ **одирам котката** ‘стараться напугать, утратить кого-л. с целью показать свою власть, требовать беспрекословного подчинения’, отразивший древний болгарский обычай, по которому жених разрывал на пороге кошку, чтобы утратить невесту, демонстрируя тем самым своё главенствующее положение [ФРБЕ, т. 2, с. 19]. Мотив объектности, подчинённого положения невесты / замужней женщины косвенно фиксирует *укр.* пословица **В дівках сиділа – плакала, заміж вийшла – вили стала**. „Невестоцентричность” свадебного обряда наиболее ярко выражена в болгарской ФКМ. Ср. *болг.* ФЕ **на всяка сватба той иска да е булката** – *насмешл.* ‘о человек, который стремится всегда командовать, руководить, отдавать распоряжения’ [НФР, с. 160]; **стигам до булката** (букв. „доставать до молодой”) – *шутл.* ‘употребляется в качестве ответа, когда гостя спрашивают, достаёт ли он до всего, что есть на столе’ [ФРБЕ, т. 2, с. 343]; **минала сватбата и търси невястата** (букв. „ищет невесту после того, как свадьба закончилась”) – *диал. ирон.* ‘делать что-л. с большим опозданием’ [ФРБЕ, т. 1, с. 588].

В славянской брачной культурной традиции важное место занимает мотив честной невесты. Как известно, невеста должна была беречь свою честь до брака, точнее до первой брачной ночи, что также нашло отражение в славянской ФКМ. Например, *болг. диал.* ФЕ **прибирам си полите, свивам си полите, прибирам си скутите** (букв. „подбирать

юбку, подол”) имеют значение ‘беречь девичью честь (о девушке)’ [ФРБЕ, т. 2, с. 206]. Если девушка теряла невинность до брака, от неё могли отказаться, вымазать дёгтем как ворота (ср. *русск. мазать (вымазывать) ворота дёгтем* кому ‘позорить, очернять кого-л.’), так и её саму: *мазать / вымазать дёгтем* кого – *прост., неодобр.* ‘1) позорить девушку, обвинять её в бесчестии; 2) очернять, выстав-лять кого-л. в чёрном цвете’ [ИЭС, с. 177]. Девушку, потерявшую невинность до брака, называли *соломенной женой*, подразумевая её встречи на соломе [Там же, с. 220]. В болгарских диалектах в оправдание потерявшей до свадьбы невинность девушки говорят: *убола се на клечка* (букв. ‘укололась щепкой’) – ‘о невесте, которая оказалась нечестной’ [ФРБЕ, т. 2, с. 431]. Ср. также *болг. ФЕ видяла два свята* (букв. ‘видела два мира’) – *ирон.* ‘о нечестной невесте или о женщине, которая два раза выходила замуж’ [Там же, т. 1, с. 148]. Данная ФЕ отражает двойственную природу новобрачной – с одной стороны, невеста является символом плодородия, всяческих благ, с другой – представляет потусторонний мир и поэтому опасна для окружающих [15, с. 63, 165].

В основе внутренней формы *болг. ФЕ пил / изпил съм си ракията* (букв. ‘выпить свою ракию’) ‘потерять невинность’ [НФР, с. 496] – широко распространённый обряд ‘блага ракия’ (букв. сладкая водка), то есть отправление новобрачных на ложе, угощение сладкой водкой и ряжение в случае, если невеста девственна [15, с. 19]. Отметим, что первая брачная ночь как утрата прежнего статуса является символом перехода, его кульминационной точкой [Там же, с. 24]. С обычаем разбивать горшки после первой брачной ночи (если горшок разбивался – считали, что родится сын, если нет – дочка) связаны такие *укр. ФЕ*, как *побити горшки, розбити горшки, розбити макитру*, прошедшие долгий путь формирования своей семантики и употребляющиеся сегодня в значении ‘поссориться’ [14, с. 360]. Недаром невесту, потерявшую невинность до свадьбы, называли ‘горщечок надщерблений’ [Там же], а родителям опозорившейся невесты нередко давали пить из разбитой или продырявленной посуды [9, с. 71]. Ср. также *болг. не е цяла, счупена, пробита* (букв. ‘не целая, испорченная, сломанная, пробитая’) – ‘о нечестной невесте’ [15, с. 57]. Существует, однако, и иная точка зрения: горшок в данном случае – символ дружбы, именно поэтому *разбивать / разбить горшок* – ‘разрывать дружбу, порывать дружеские отношения’ [ИЭС, с. 160].

В сибирских диалектах сохранилась ФЕ *блин продолбить* ‘ритуальное действие, аллегорически указывающее на „честность” невесты’, в основе которой – свадебный обряд после первой брачной ночи, когда молодожёнов приглашали к столу и в присутствии родителей делали дырку в блине, затем лили через неё вино, что символизировало непорочность невесты [Там же, с. 55].

В украинской и польской лингвокультурах в значении ‘потерять невинность до брака’ употребляются и ФЕ со словом „венки”. Ср.: укр. *загубити вінок, позбутися вінка* ‘потерять невинность да свадьбы’ и польск. *stracić wianek* (букв. потерять венки) в том же значении [ФСУМ, т. 1, с. 299, т. 2, с. 662; БПРС, т. 2, с. 512]. Ср. также укр. *забрати (зірвати, зняти* и т. п.) *вінок* у кого ‘лишить невинности’: *Вона не тяжка, але вінок забрав я в неї* (Вільде) [ФСУМ, т. 1, с. 299]. Венки здесь – один из основных атрибутов свадебного обряда – символ девичества и чистоты, а также перехода девушки в статус замужней женщины. Во время свадебного обряда его меняют невесте на женский головной убор [5, с. 288]. Ср. также: *як у віночку (у вінку)* ‘дуже гарно, чисто, охайно’ [ФСУМ, т. 1, с. 130]. В польской фразеологии *dziewiczy wianek* употребляется в двух значениях: ‘1) ротовой венки (символ девственности); 2) девственность, невинность’ [БПРС, т. 1, с. 186]. В польской народной традиции сплетённый вручную ротовой венки (*wianek ruciany*) – символ невинности и чистоты – одевали новобрачной во время свадебного обряда. Добавим, что двойственность, амбивалентность природы новобрачной вполне согласуется с восприятием женского начала в архаической языковой картине мира славян. С одной стороны, женщина – сакральный символ, с другой – символ греховности и всяческого зла. Ср. польск. *przed ślubem aniołek, po ślubie lucyferek* (букв. „до замужества – ангелочек, после замужества – бесёнок”) и русск. *девка красна до замужества* [БПРС, т. 1, с. 399].

На переплетение свадебных и землепашеских мотивов указывал В. Я. Пропп, отмечая, что „совершение брака считалось необходимым в целях улучшения плодородия почвы” [11, с. 64–65]. У болгар о молодых могут сказать: *още е ново ситото* (букв. „ещё новое сито”), как бы подчёркивая, что ещё слишком рано иметь какие-либо неприятности в отношениях между ними [ФРБЕ, т. 2, с. 96]. Сито здесь, очевидно, символизирует плодovitость. С пожеланием плодovitости связаны многочисленные свадебные обычаи и обряды,

к примеру, выпекание каравая у всех славянских народов, традиционная встреча молодожёнов хлебом-солью. Так, широко известны у болгар „**засевки**”, то есть обрядовое приготовление хлебов в домах жениха и невесты. В западной Болгарии в муку, предназначенную для просеивания, кладут обручальные кольца, а обряд сопровождается песнями [7, с. 214]. Во время родильного обряда в Пиринском крае (Болгария) женщина, беря кусок обрядового хлеба, желает младенцу в будущем создать семью [5, с. 370]. К этому же циклу относятся и ФЕ *подносить / поднести хлеб-соль, встречать / встретить хлебом-солью*.

Важным элементом свадебной обрядности считался каравай. *Свадебный каравай* – ‘традиционный каравай хлеба с солью, подаваемый молодожёнам во время свадьбы’ [ИЭС, с. 287]. Связь каравая с соляным культом подчёркивал ещё А. А. Потебня, отмечая, что каравай – символ жениха [9, с. 39, 53]. Ср. *русск.: на чужой каравай рот не разевай!*, где каравай символизирует семью. Хлеб – символ сватовства и согласия выйти замуж в украинской фразеологии. Ср.: *перерізати, ламати, обміняти хліб* ‘посватать девушку’; *відкусити хліба* – ‘согласиться выйти замуж’. Хлеб во всех его ипостасях соотносится с семьёй и с семейными ценностями. Ср. *болг. чуждия хляб със сълзи се яде* или *чуждият хляб зъби троши* (букв. ”об чужой хлеб зубы сломашь”), *укр. на жебрацькому хлібі* и их *русск.* соответствие *чужой хлеб горек*. О создавшем собственную семью, отделившемся сыне (дочери) скажут: „Он (она) – *отрезанный ломоть*”. В славянской свадьбе важное место занимает кулинарный код. Свадьба как важнейший переходный обряд обязательно сопровождалась обильным угощением – непременно таким, чтобы столы ломились, и, конечно же, выпивкой. Ср. *русск. наготовить (наварить) как на Маланьину свадьбу* ‘очень много (о еде, угощении)’ [ИЭС, с. 625]; *диал. болг. като на сватба, нарязвам се* – ‘очень сильно (напиться)’ [ФРБЕ, т. 1, с. 496].

Важным блюдом считалась каша, которую часто резали на куски, подобно караваю, и делили между участниками трапезы [5, с. 499]. А. А. Потебня указывает на то, что в старину кашей называли свадьбу, от обычая кормить кашей молодых [9, с. 65] Именно поэтому *русск. архайч. чинить кашу* имело значение ‘устроить свадебный пир’ [ИЭС, с. 297]. Каша как неперенное свадебное блюдо было известно западным и южным славянам. Очевидно, с ритуально-обрядовой

символикой каши связаны многочисленные *польск.* ФЕ *nawarzyć (narobić) kaszy* ‘заварить кашу, наделать дел’; *nadmuchać (napluć) komuś w kaszę* ‘досадить кому-л., насолить кому-л.’; *nie dać sobie w kaszę dmuchać, nie dać się zjeść w kaszy* ‘не дать себя в обиду; суметь постоять за себя’; *zjeść kogoś w kaszy* ‘провести кого-л., обвести вокруг (кругом) пальца кого-л.’; *wleźć w kaszę* ‘попасть в переделку (в переплёт)’ [БПРС, т. 1, с. 310]. Ср. *русск. каши не сваришь* с кем, *заваривать / заварить кашу, расхлёбывать / расхлебать кашу, кашу маслом не испортишь, хлеб да каша – пища наша* и т. д.; *болг. забърквам каша* ‘заваривать кашу’, *парен каша духа* (букв. ‘ошпаренный и на кашу дует’) – *погов.* ‘обжёгшись на молоке, будешь дуть и на воду’ [БРС, с. 255].

Ритуальным свадебным блюдом на Руси считались блины. Ср. *русск.* ФЕ *печь как блины* ‘создавать что-л. быстро и в большом количестве’ [ИЭС, с. 55], *не к тёще на блины ехать / поехать* ‘о чьей-л. предстоящей поездке или визите, которые носят официальный характер’, связанную с обычаем наносить визит тёще после свадьбы; *первый блин комом* и др. Капуста, повсеместно употреблявшаяся на свадебном пиру, в особенности у западных славян, а также пастернак упоминаются в польской фразеологии. Ср. *польск.* поговорки: *Słodki pasternak, Jak i gruby, tak i cienki, obierały go panienki* (букв. ‘сладкий пастернак, толстый и тонкий, чистили его (от кожуры) девушки’); *Wesele jedzie, kapusta na kłodzie, mięso na kolku, pasternak w dolku* (букв. ‘свадьба едет, капуста на колоде, мясо на колышке, пастернак в ямке’) [5, с. 499–500]. Ср. также *польск. groch z kapustą* (букв. ‘горох с капустой’) ‘кавардак, беспорядок, неразбериха’; *posiekać na kapustę* (букв. ‘посечь в капусту’) имеет *русск.* соответствие *изрубить в капусту* [БПРС, т. 1, с. 304].

У болгар после свадебного застолья танцевали *шарено хоро* (хоро – болгарский народный танец – Н. А.) [5, с. 506]. Ср. *диал. болг. що ще баба на хоро* (букв. ‘что старушка на хоро’) – ‘употребляется для выражения удивления из-за чего-то совершенно неуместного, неположенного’ [ФРБЕ, т. 2, с. 533]. Закрепилось и представление о цыганской свадьбе как наиболее шумной: *болг. като на циганска сватба, разгълчали се* – ‘очень сильно, громко (разгалдеться, раскричаться)’ [Там же, т. 1, с. 498].

В русской и болгарской ФКМ нашло отражение древнее представление о свадьбе сверхъестественных сил: *русск. чёртова*

(*бесовская*) *свадьба* – устар. ‘о снежной метели, вихре’ [ИЭС, с. 625]; *мечка се жени* (букв. „медведь женится”) – ‘употребляется в случаях, когда одновременно идёт дождь и греет солнце’ [ФРБЕ, т. 1, с. 58], а также *диал. заека се жени* (букв. „заяц женится”); *дьявола се жени* (букв. „дьявол женится”); *лисицата се жени* (букв. „лисица женится”); *таралежа се жени* (букв. „ёж женится”) в том же значении.

В соответствии с древними традициями для семейной пары обязательной считалась патрилокальная форма супружеской жизни, которая отразилась в обычном праве у болгар: после заключения брака молодые должны были жить в отцовском доме мужа, куда молодую отводили ещё во время свадьбы. На всей этнической территории болгар человек, который нарушал эту норму и шёл жить в дом жены, автоматически приобретал статус **зет на къща**, **приведен** или **заврян зет**. Эти названия воспринимаются как оскорбительные и насмешливые и свидетельствуют о том, что такой мужчина не пользуется авторитетом, поскольку не имеет даже своего дома. Кроме того, **приведен зет** получает и новое имя, которое образуется от имени жены: например, если его звали Стояном, а жену Пенкой, его называют Стояном Пенкиным [6, с. 103, 105–106]. Статус приведённого зятя эксплицируют *болг. ФЕ живее като зет на привод*, то есть ‘живёт плохо’ [БПП, с. 32]; *заврян зет се обува на дръвника* (букв. „приведённый зять обувается в дровяном сарае”) с тем же значением [Там же]; *ще ми закачат забрадка връз капата* (букв. „повяжут мне косынку поверх шапки”) – *диал.* ‘о мужчине, который живёт в доме жены – его не уважают, не признают’ [ФРБЕ, т. 2, с. 521], *женско подкрепало* (букв. „женская подставка”) и *женска опашка* (букв. „женский хвост”) – *диал., ирон.* ‘приведённый зять’ [ФРБЕ, т. 1, с. 313]. Ср. *русск. щей горшок, да сам большой* – *народн.* ‘отговорка бедного жениха, которому предлагали пойти во двор к богатому тестю’, использовавшееся для характеристики положения молодого человека, поселившегося после свадьбы в доме тестя [ИЭС, с. 774], *укр. ніти у приймаки*.

В завершение отметим, что свадебные традиции как выражение ключевых мировоззренческих позиций сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Так, у всех славян отмечают годовщину свадьбы. Наиболее знаменательные даты отражены во фразеологическом фонде славянских языков – празднование 25-, 50- и

даже 75-летия со дня бракосочетания. Ср.: *русск. серебряная свадьба, золотая свадьба, бриллиантовая (алмазная) свадьба*; *укр. срібне весілля, золоте весілля, діамантове весілля*; *болг. сребърна сватба, златна сватба, брилянтена сватба*, *польск. wesele srebrne, złote, diamentowe* [ФСРЯ, с. 410; ФСУМ, т. 1, с. 75; РБФС, с. 452; БПРС, т. 2, с. 365, 702].

Итак, рассмотренный фактический материал позволяет сделать следующие **выводы**. 1) Брак, семья и свадьба как переходный обряд, направленный на изменение социального статуса человека, занимают центральное место в концептуальной и, как следствие, во фразеологической картине мира славян. 2) Брак и семья оцениваются позитивно в славянской ФКМ и воспринимаются как норма, тогда как безбрачие воспринимается как нарушение жизненного цикла, как антинорма. 3) В славянской ФКМ закрепились такие исторические реалии, как церковный брак, брак без венчания, умыкание невесты. 4) В славянской ФКМ отражена двойственная, амбивалентная природа новобрачной, её субъектность и объектность. 5) Мотив честной / нечестной невесты коррелирует с оппозицией норма / антинорма в славянской ФКМ. 6) Наряду с общими универсальными характеристиками (к примеру, восприятие хлеба как сакрального символа во всех обрядах семейного цикла и на всех этапах свадебной обрядности), ФКМ рассматриваемых языков закрепили такие культурно значимые концепты, как **рушник** у украинцев, **венки** у украинцев и поляков, **блины** у русских, **капуста** у поляков, **приведен зет** у болгар. 7) В ФКМ славянских языков нашли отражение многочисленные свадебные обычаи и обряды: *укр. ставити на рушник*; *болг. честита риза, честити обуца, одирам котката, пил / изпил съм си ракията, дор<де> се кача на коня*; *русск. чинить кашу*; *польск. rusianu wianek*. 8) Патрилокальная / матриликальная форма брака коррелирует с оппозицией норма / антинорма. Наибольшую продуктивность данный мотив получил в болгарской ФКМ: *приведен зет, зет на къща, заврян зет се обува на дръвника, женска опашка* и др. Перспективы исследования состоят в дальнейшем сопоставительном изучении ФКМ славянских и неславянских языков.

Список использованных источников и литературы

1. Андреев М. Обичайно право / М. Андреев // Българска народна култура: (историко-етнографски очерк). – София, 1981. – С. 246–250.
 2. Арефьева Н. Г. Гендерні стереотипи у болгарській фразеології: дис. ... канд. філол. наук: 10. 02. 03 / Н. Г. Арефьева. – Одеса, 2009. – 233 с.
 3. Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурун. – СПб. : Наука, 1993. – 240 с.
 4. Бондарчук Л. М. Обрядова весільна лексика польської мови: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.03 „Слов'янські мови” / Л. М. Бондарчук. – Київ, 2003. – 21 с.
 5. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре : семантика и символика / А. В. Гура. – М. : Индрик, 2012. – 936 с.
 6. Иванова М. Родството по сватовство у българите / М. Иванова. – Първо издание. – Велико Търново: Св. св. Кирил и Методий, 2003. – 283 с.
 7. Колев Н. Българска етнография (етнология): учебник / Н. Колев. – шесто преработено и доп. издание. – В. Търново: Gaberoff : Элпис, 2002. – 288 с.
 8. Колев Н. Критични ситуации, светоглед и поведение на българите / Н. Колев. – Велико Търново : Фабер, 2005. – 184 с.
 9. Потехня А. А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий / А. А. Потехня // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском ун-те 1865 г. Кн. 2. – М., 1865. – 311 с.
 10. Прадід Ю. Ф. Проблеми фразеологічної ідеографії (на матеріалі української та російської мов) : дис. ... доктора філол. наук : 10.02.01; 10.02.02 / Ю. Ф. Прадід. – К., 1997. – 396 с.
 11. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования) / В. Я. Пропп. – СПб. : Терра – Азбука, 1995. – 176 с.
 12. Свадебные традиции Польши: история и современность. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.zelenaya-svadba.com
 13. Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян / О. А. Седакова. – М. : Индрик, 2004. – 320 с.
 14. Ужченко В. Д. Фразеологія сучасної української мови : навч. посіб. / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко – К. : Знання, 2007 – 494 с.
 15. Узенёва Е. С. Болгарская сватья: этнолингвистическое исследование / Е. С. Узенёва. – М. : Индрик, 2010. – 280 с.
- БПП – Стойкова С. Български пословици и поговорки / С. Стойкова. – С. : Колибри, 2007. – 430 с.
- БПРС– Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь : В 2 т. / Д. Гессен, Р. Стыпула. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык – В. : Ведза Повшехна, 1979–1980.
- БРС – Болгарско-русский словарь / Сост. С. Б. Бернштейн. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1986. – 768 с.

БРФС – Кошелев А. К., Леонидова М. А. Болгарско-русский фразеологический словарь / А. К. Кошелев, М. А. Леонидова. – М. : Русский язык. – С. : Наука и искусство, 1974. – 635 с.

ИЭС – Бирих А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова / [под ред. В. М. Мокиенко]. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005 – 926 с.

НФР – Анкова-Ничева К. Нов фразеологичен речник на българския език / К. Анкова-Ничева. – С. : Св. Климент Охридски, 1993. – 464 с.

РБФС – Русско-болгарский фразеологический словарь / К. Андрейчин, С. Влахов, С. Димитрова, К. Запрянова; Под ред. С. Влахова. – М. : Рус. яз.; С. : Наука и искусство, 1980 – 584 с.

ФРБЕ – Фразеологичен речник на българския език / К. Ничева, С. Спасова-Михайлова, К. Чолакова : В 2 т. – С. : БАН, 1974–1975.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – изд. второе, стереотип. – М. : Сов. энциклопедия, 1968. – 543 с.

ФСУМ – Фразеологічний словник української мови / укл. В. М. Білоноженко та ін. – К. : Наук. думка, 1999. – 984 с.

Н. Г. Ареф'єва

ШЛЮБ ТА РОДИНА У СЛОВ'ЯНСЬКІЙ ФРАЗЕОЛОГІЧНІЙ КАРТИНІ СВІТУ

У статті розглядаються фразеологізми, що експлікують традиції та обряди, пов'язані з укладанням шлюбу та створенням сім'ї. Особлива увага приділяється весільному обряду як одному з найважливіших перехідних обрядів. Визначаються як національно-культурні, так і міжмовні особливості вербалізації концептів у фразеологічній картині світу слов'янських мов. Автор доходить висновку щодо надзвичайно важливої ролі сім'ї та шлюбу в слов'янській фразеології та слов'янській культурній традиції.

Ключові слова: обряди та традиції, фразеологізм, фразеологічна картина світу, концепт, слов'янські мови.

N. G. Arefieva,

Candidate of Philology,

Associate Professor at the Department of Linguistic and Humanities

Training for International Students,

Odesa I. I. Mechnikov National University,

7, Mayakovskogo By-street, Odesa, 65082, Ukraine,

tel. : +38 (048) 723-07-57,
arefyew_oleg@mail.ru

MARRIAGE AND FAMILY IN SLAVIC PHRASEOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD

Summary

In this article Russian, Ukrainian, Bulgarian and Polish phraseological units which explicate matrimonial ceremonies and traditions are analyzed. The **Purpose** of the article is to determine intercultural peculiarities as well as national and cultural ones in phraseological pictures of the world. Special attention is paid to the wedding ceremony as the most important transitional ceremony. **Methodology** of this article is based on the combination of linguistic and cultural analysis and cognitive linguistics.

Finding of the article can be determined in the following way. The phraseological pictures of the world of the described languages fix the universal concepts (for instance, *kasha* in Russian, Polish, Bulgarian cultures) as well as the national and cultural ones, such as *vinok* in Ukrainian and Polish linguistic cultures, *bliny* in Russian, *kapusta* in Polish and *priveden zet* in Bulgarian ones. **Practical value** of the article consists in possible using of the results in cross-cultural researches, linguistic and cultural studies, phraseology and cognitive linguistics.

Results. The author comes to conclusion about the exceptional role of marriage and family in Slavic phraseology and Slavic cultural tradition.

Key words: ceremonies and traditions, phraseological unit, phraseological picture of the world, concept, Slavic languages.

Надійшла до редакції 8.04. 2015 р.

УДК 811:17.026:391(470+438)

O. A. Voytseva,

Doctor of Philology,

Professor, Chair of General and Slavic Linguistics Department,

Odesa I. I. Mechnikov National University,

24 / 26, Frantsuzky Blvd., Odesa, 65058, Ukraine,

tel. : +38(048) 776-04-42,

movoznavstvo98@gmail.com

MEANS AND WAYS OF NAMING WOMEN'S OUTERWEAR (IN MODERN RUSSIAN AND POLISH LANGUAGES)

This article deals with the analysis of means of naming and ways of motivation of artifacts in the sphere of lexis denoting women's outerwear in the Russian and